

STUDIA PHILOLOGICA

ББК 81.2Р-3
Ш 28

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект 96-04-16120

Шатуновский И. Б.

Ш 28 Семантика предложения и нереферентные слова
(значение, коммуникативная перспектива, прагматика). – М.:
Школа «Языки русской культуры», 1996. – 400 с.

ISBN 5-88766-011-2

Монография посвящена исследованию большого круга проблем, имеющих важное значение не только для лингвистики, но также для логики, психологии и философии языка. К их числу относятся: семантическая и коммуникативная структуры предложения (пропозиции) в связи с особенностями отражения мира в языке, роль различных разрядов слов в формировании значения предложения, семантика и прагматика слов, соотносительных со связкой как обязательным компонентом пропозиции, и базирующихся на них предложений. Рассмотрены слова и предложения русского языка со значением тождества, подобия, сходства, соответствия, существования, присутствия, местонахождения, возможности, необходимости, должностования, знания, мнения, желания, воли и ряд других, а также семантика и прагматика видového противопоставления в русском языке.

ББК 81.2Р-3

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

Except the Publishing House (fax: 095 246-20-20, E-mail: lrc@koshelev.msk.su) the Danish bookseller firm G·E·C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: slavice@gad.dk) has an exclusive right on selling this book outside Russia.

Право на продажу этой книги за пределами России, кроме издательства Школа «Языки русской культуры», имеет только датская книготорговая фирма G·E·C GAD.

ISBN 5-88766-011-2

© И. Б. Шатуновский, 1996

ВВЕДЕНИЕ*

1. Предмет и основные задачи исследования

1.1. Слова человеческого языка предназначены — по крайней мере, в конечном итоге — для того, чтобы строить из них предложения (членение мира посредством словаря есть лишь приготовление к тому, чтобы говорить об этом мире посредством предложений). Ясно поэтому, что значение слова теснейшим образом связано с той ролью, которое оно выполняет в предложении [Арутюнова 1976]. Кардинальные семантические различия между основными лексическими классами соответствуют различиям основных синтаксических “ролей”, главных компонентов семантико-синтаксической структуры предложения — субъекта, предиката и связки. Исходная идея данного исследования заключается в том, что наряду с идентифицирующими словами, именами, базирующимися на роли субъекта, и признаковыми, предикатными словами [Арутюнова 1976], в языке существует особый семантико-синтаксический класс слов, вырастающий из связи. Главная задача работы — исследовать в синхронном аспекте и описать семантику слов, в значении которых основным или, по крайней мере, вершинным компонентом является ‘связка’, или, другими словами, компонент ‘быть/иметь’. Заметим, что это, в принципе, огромный класс слов, сопоставимый по объему с именами и собственно предикатами, к тому же не имеющий четких границ (поскольку в семантику слова, наряду со связкой, могут входить и другие, предметные и признаковые, компоненты). В частности, к связочным в своей основе словам, помимо чистых связок (*есть, является, имеет* и т.д.), относятся слова со значением тождества (*тождествен, одинаков, равен* и т.д.), обладания, местонахождения, каузации, возможности и необходимости и многие другие. Слова перечисленных разрядов участвуют преимущественно в построении предложений, описывающих внешний по отношению к субъекту, объективный мир. “Связки” других типов используются при описании внутреннего, субъективного мира человека. Это

* Значительная часть настоящей книги была написана автором в качестве участника проблемной группы “Логический анализ естественного языка”. Многие проблемы, рассматриваемые в книге, обсуждались на семинарах и конференциях группы.

Автор благодарен руководителю группы “Логический анализ естественного языка” и своему учителю Нине Давидовне Арутюновой за многолетнее внимание и поддержку, без которых эта книга не могла бы состояться.

различные группы так называемых интенциональных предикатов: слова со значением знания, мнения, веры и т.д. (*знает, думает, верит* и т.д.), предикаты воли и желания, слова, выражающие эмоциональное отношение, и другие.

Как показывает даже этот краткий, предварительный перечень, исследование связи — это грандиозная задача, “уходящая в бесконечность”. Она, разумеется, не может быть выполнена в пределах одной работы. И в конечном счете все, на что претендуем мы, — это сделать несколько шагов по этому бесконечному пути.

1.2. Как видно из того же перечисления, класс связочных слов пересекается, а может быть, и совпадает, если не интенционально, то экстенционально, с классом слов, выражающих отношения (имеющих “реляционное значение” [Арутюнова 1980а]). Тем не менее, мы предпочитаем очертить предмет нашего исследования как область связи и соотносительных с ней слов — по следующим соображениям. Понятие отношения, на наш взгляд, не является ясным [ср. Russell 1956, 333] и не имеет удовлетворительного содержательного определения (ср. определение в “Философском словаре” [1986]: “ОТНОШЕНИЕ — момент взаимосвязи всех явлений”). Это отчасти объясняется тем, что термин *отношение* применяется к чрезвычайно широкому кругу явлений и поэтому интенционально “размыт”. Трудно дать определение, которое бы подходило ко всем случаям его употребления. Так, один из наиболее пронизательных философов, Джон Локк, видел сущность отношения в сравнении: идеи отношений “ум получает от сравнения вещей друг с другом” [Локк 1985, т.1, 370]. Г.Лейбниц резонно указал на узость этого определения: “... Отношение есть нечто более общее, чем сравнение, так как отношения бывают либо отношениями сравнения, либо отношениями связи ...”. Последнее — это отношения “причины и следствия, целого и его частей, положения и порядка и т.д.” [Лейбниц 1983, 141]. Но что тогда объединяет отношения сравнения и отношения связи? И есть ли между ними что-то общее? Эти вопросы остаются у Лейбница без ответа.

В настоящее время термин *отношение* часто употребляется без какого-либо определения, в расчете на то, что его значение является “интуитивно очевидным”; в других случаях ему дается остенсивное определение: приводятся примеры конкретных отношений, из которых читатель должен уяснить, что такое отношение вообще [см., напр. Шрейдер 1971; Тарский 1948; Гайсина 1978; 1981; Russell 1956, 5]. Ср. идущее от Шрейдера и Пирса “экстенциональное” понимание отношения как суммы пар (или троек, четверок и т.д.) индивидов [Russell 1956, 3; Черч 1960]. С точки зрения “интенциональной” (а именно эта точка зрения принята — фактически — в обыденном, естественном языке), отношение — это то, что объединяет индивиды в пары, тройки и т.д. Ясно, однако, что интенциональное “то, что”, вытекающее из экстенционального определения, с содержательной точки зрения не более чем “нечто”, которое нас, разумеется, не может удовлетворить. Другой вариант формального определения отношений — это использование формального противопоставления одноместных и многоместных предикатов. Одноместные предикаты выражают свойства; многоместные — отношения [Russell 1956, 108; Карнап 1959, 55; Шаумян 1974, 61]. Очевидно, что это определение, как, впрочем, и

положено формальным определениям, не касается сути дела, но относится исключительно к внешней, синтаксической стороне языковых выражений. Еще более печально то, что оно, в силу известной асимметрии плана выражения и плана содержания в языке, сталкивается со значительными неформальными трудностями. Конечно, многоместный предикат всегда скрывает в себе отношение. Однако в подавляющем большинстве случаев значение многоместных предикатов не сводится исключительно к выражению отношения между объектами, но включает также указание на их свойства, признаки [см. Гайсина 1978; 1981]. Так, выражающий каузативное значение глагол *рассмешил* (X *рассмешил* Y) сообщает также о действиях X и Y: ‘X совершил какие-то действия’, ‘Y смеется’. С другой стороны, как было отмечено еще Локком [Локк 1985, т.1, 371–372, 378–379] и неоднократно отмечалось в последующем [Лейбниц 1983, 229–230; Беркли 1978, 176, 216, 223; Сэпир 1985], многие, а может быть и все [Russell 1956, 108], одноместные предикаты (“как будто безотносительные”, “с виду положительные слова”, по Локку) “скрывают молчаливо принимаемое, хотя и менее заметное отношение” [Локк 1985, т.1, 372]. Таковы “старый”, “большой”, “несовершенный”, “слабый”, “сильный” и т.д. “Так, мы называем большим то яблоко, которое больше того сорта яблок, который мы обычно употребляем; мы называем “маленькой” такую лошадь, которая по своим размерам не соответствует обыкновенно имеющейся в нашем уме идее лошади” [Локк 1985, т.1, 379].

На том пути, на который вступил Локк, трудно остановиться. Действительно, если согласиться, что признак — это то о б щ е е, что имеет ряд объектов, то л ю б о й признак в глубине — отношение. Но тогда теряет смысл исходное противопоставление свойств (признаков) и отношений.

Итак, нет понятия более неопределенного и загадочного, чем отношение. Понятие “связки” обеспечивает, как мы надеемся показать далее, более твердую почву для нашего исследования. Это не означает, разумеется, что мы отбрасываем в сторону проблему отношений. Напротив, исследование ‘связки’ и базирующихся на ней слов будет одновременно исследованием слов реляционного типа — в той мере, в какой эти классы совпадают.

1.3. Хотя семантическое описание слов, соотносительных со связкой, является основной задачей работы, она, на современном этапе развития лингвистики, просто не может быть выполнена сама по себе. Невозможно продвинуться дальше, оставаясь внутри лексической семантики. И это особенно верно для слов данного, в значительной мере структурного, синтаксического, “соединительного” класса, слов, “ориентированных” не на мир, а на предложение. Поэтому настоящее исследование носит по необходимости интегральный, по выражению Ю.Д.Апресяна [1986], характер: семантика слова исследуется в н у т р и семантики предложения, как ч а с т ь значения предложения. Значение слов данного класса во многих случаях просто невозможно “отвлечь” от значения предложения, в которое они входят. В этих случаях невозможно сказать, что такое-то слово значит то-то, но можно только сказать, что п р е д л о ж е н и е с таким-то с л о в о м значит то-то. Слова рассматриваемого типа являются синтактико-коммуникативным ядром, организующим центром предложения, поэтому исследовать такие слова — значит исследовать

довать семантическую и коммуникативную структуру предложений, которые они организуют. Задача исследования лексической семантики сливается, таким образом, с задачами исследования семантической структуры предложения и его коммуникативной перспективы.

Поставив перед собой задачу семантического и коммуникативно-синтаксического описания слов, вырастающих из связки, мы оказались перед необходимостью определить семантическую и функциональную специфику связки как элемента предложения и пропозиции. Однако роль элемента целого не может быть понята вне этого целого. Поэтому в орбиту исследования неизбежно втягиваются такие проблемы, как семантическая структура предложения и пропозиции, соотношение значения предложения (пропозиции) и действительности, семантическая, функциональная и референциальная специфика составных частей предложения (компонентов пропозиции) и соотносительных с ними лексических разрядов (имен собственных, имен классов, предикатных слов и т.д.).

В связи с этими проблемами капитальной важности возникают многочисленные более частные вопросы. Так, специфические структурные черты пропозиции, равно как и особенности составляющих ее компонентов, отражаются в различного вида “свертках” предложения в именную группу (ИГ) — номинализациях. Семантические и коммуникативные особенности слова ярко проявляются при его взаимодействии с отрицанием. Поэтому, в работе рассматриваются с той или иной степенью подробности проблемы номинализаций и их типов, отрицания и другие.

1.4. В последние десятилетия лингвистика медленно, но верно поворачивалась “лицом к жизни”. Было осознано, прежде всего под влиянием Л.Витгенштейна [Wittgenstein 1953], принципиальное значение того, в общем-то очевидного, подчеркивавшегося еще В.Гумбольдтом факта, что языковая деятельность есть форма жизни человека¹. Язык “встроен” в жизнь и деятельность человека и не может быть понят без обращения к ним [Арутюнова, Падучева 1985; Петров 1988, 39]. Учет прагматических факторов особенно важен при исследовании слов, базирующихся на связке. Значение этих слов, в силу их (относительной) “неполнозначности”, семантической опустошенности, особенно чувствительно к влиянию ситуации и контекста и поэтому варьируется в широком диапазоне в соответствии с изменением ситуации употребления и коммуникативной задачи. Одна из важных задач данной работы — соединить языковую и речевую семантику, “стереть” границу между языком и речью (конечно, не в плане отрицания сосюрховской дихотомии, но в плане исследования и показа, как язык переходит, воплощается в речь, и наоборот, как речь постепенно, через серию переходных случаев, “кристаллизуется” в язык), связать язык как систему с языком как употреблением, исследовать язык в действии, в его обусловленности прагматическими и коммуникативными факторами. В соответствии с этой задачей исследование непредметных слов в работе имеет вид последовательного спуска по “ступеням абстракции”: от рассмотрения кардинальнейших и наиболее обобщенных

¹ “... Язык ни при каких условиях нельзя изучать как мертвое растение. Язык и жизнь суть нераздельные понятия” [Гумбольдт 1984, 112].

классов слов (“связки” в их противопоставлении именам и предикатам) через исследование крупных разрядов “связочных” слов к анализу особенностей значения и употребления отдельных, конкретных слов и далее — к рассмотрению отдельных значений этих слов, далее — к исследованию специфических употреблений, контекстуальных и ситуативных оттенков, прагматически обусловленных вариаций в значениях этих слов и предложений, в которые они входят.

2. Объяснение и описание

Главной и наиболее важной задачей науки считается часто объяснение фактов: к нему нужно, по крайней мере, стремиться, и только на худой конец, если мы не можем достичь объяснения, мы удовлетворяемся описанием². В некотором смысле, однако, в лингвистике более важной (и более ясной) задачей является именно описание. Во-первых, описание логически и фактически предшествует объяснению. Как сказал Х. Ортега-и-Гассет, “прежде чем рассуждать о причинах происходящего в Испании, желательно выяснить, что же собственно происходит” [1990, 78]. Во-вторых, хорошее описание (в синхронной лингвистике) — это, фактически, все, что нужно. Если мы полностью описали устройство и функционирование языка, то непонятно, з а ч е м еще нужно объяснение и ч т о вообще нужно объяснять?³

Вследствие углубления научной рефлексии понятие объяснения, представлявшееся прежде интуитивно ясным, заколебалось и само стало нуждаться в объяснении. Казавшаяся столь резкой грань между описанием и объяснением исчезла: “Не существует никакой реальной противоположности между описанием и объяснением. ... Описание ... в широком смысле, рассматриваемое явление в контексте более общих законов, обеспечивает единственный тип объяснения, который может быть дан явлению” [Карнап 1971, 324; ср. Беркли 1978, 218–219].

Сказанное, однако, не означает, что между описанием и объяснением нет никакого различия. Это значит только, что между описанием и объяснением не пропасть, но плавный переход. Это различие диалектическое, градуальное, различие в с т е п е н и, которое может давать “скачок” в качестве — между “атомарным”, фактографическим, скользящим по поверхности явлений описанием и описанием обобщающим, находящим в хаосе фактов глубинные закономерности. И чем более общим является описание, чем больше закономерных связей и отношений между фактами оно открывает, тем в большей степени оно является объяснением. При этом как “собственно объяснение”, объяснение в полном смысле для явлений какого-то “уровня”, какой-то одной об-

² Ср. 3 уровня адекватности грамматической теории у Хомского: уровень адекватности наблюдения, уровень адекватности описания и, наконец, высший уровень — уровень адекватности объяснения [1965, 483; 1972, 27–28].

³ Ср. Витгенштейн: “Нам следует отказаться от всякого *объяснения* и заменить его только описанием” [1994б, 109]. (В ссылах на работы Л.Витгенштейна цифра после запятой отсылает к разделу соответствующей работы).

ласти понимается нахождение закономерности, связывающей их с явлениями другого “уровня”, другой области. В конечном счете любое объяснение фрагмента есть “вставление” его в более широкую “картину” и “согласование” с ней — выяснение связей данного фрагмента (факта, аспекта) с другими фрагментами и с целым⁴. “Широкое” описание является объяснением по отношению к своему фрагменту; поэтому любое объяснение относительно, а описание — абсолютно. Так, историческое описание является объяснением по отношению к синхронному уровню; само по себе как таковое оно “всего лишь” описание, требующее для своего объяснения включения в более широкое описание, в более общую картину, и т.д. Но самое вершинное (или самое глубинное) описание (если бы его можно было достичь) уже не имело бы никакого объяснения, оно было бы описанием — и только. Но, конечно, такое описание (= полное описание мира) недостижимо.

Целью данной работы, в соответствии со всем сказанным выше, является описание, но такое, которое достигало бы, хотя бы в некоторых отношениях, уровня объяснения. В связи с чисто синхронным и собственно лингвистическим аспектом исследования в работе отсутствуют исторические, психологические, социологические и т.п. объяснения, и его “объяснительная сила” в основном ограничивается установлением соответствий, закономерных связей между явлениями, относящимися к разным “ярусам”, сторонам устройства и функционирования языка [ср. Кибрик 1992, 30]. (Внутри языка нам не на что опереться, кроме самого языка). Так, объяснением словообразовательных особенностей слова служит указание на корреляцию этих особенностей с его семантическими и синтаксическими свойствами; специфика семантического устройства слова объясняется условиями его синтаксического функционирования и особенностями словообразовательного строения; ответом на вопрос, почему слова данного класса выполняют такую-то синтаксическую функцию, имеют такие-то синтаксические особенности, будет ссылка на его семантические и структурные (морфологические и словообразовательные) свойства и т.д. В общем виде собственно лингвистическое объяснение (в синхронном аспекте) достигается максимально полным описанием корреляций между формой, значением и функционированием языковых единиц. В зависимости от того, что считается “данным”, объяснение может приобретать то или иное направление, например, от функционирования единицы к ее формальному и семантическим особенностям (функциональное объяснение). Подчеркнем, однако, что в п р и н ц и п е особенности функционирования единицы не в меньшей мере нуждаются в “объяснении”.

В настоящей работе объяснение не имеет определенного направления, но “циркулирует” от одного аспекта к другому.

Будучи собственно лингвистическим по своему замыслу, наше описание-объяснение не может, однако, в некоторых отношениях не выйти за пределы языка. С одной стороны, по-настоящему г л у б о к о е изучение се-

⁴ Ср.: “Историческая грамматика не только описывает явления, но и объясняет их; она показывает взаимосвязь между явлениями, которые раньше считались изолированными” [Есперсен 1958, 29].

мантики невозможно без обращения к кардинальным вопросам отражения, преломления и интерпретации мира в мышлении и сознании человека, между которыми (мышлением, сознанием и миром) необходимым (в исконном смысле этого слова: такой, которого нельзя обойти) посредником стоит язык. Соответственно, глубинные особенности языка получают “направленное” философское, гносеологическое объяснение в свете его роли как базового способа отражения мира. С другой стороны, языковая деятельность есть “форма жизни” человека [Wittgenstein 1953, 19], поэтому язык и жизнь не могут быть разъяты. Тот, кто не знает жизни, не поймет и языка. Коммуникативные действия человека определяются его потребностями, практическими задачами и широким жизненным “контекстом” и подчиняются тем же закономерностям, что и другие виды деятельности. Соответственно значение и функционирование единиц языка получают направленное прагматическое объяснение в свете их соответствия этим общим закономерностям.

3. Принципы толкования значений

Толкование значений является частным видом лингвистического описания. Поскольку при толковании значения мы неизбежно обращаемся к связям слова с чем-то в нем этого слова, всякое толкование значения является одновременно в той или иной степени его объяснением. Можно говорить о двух основных видах этого объяснения в зависимости от того, с чем соотносим мы объясняемое слово.

Объяснить значение слова можно, указав на “элемент” действительности, который обозначает слово, продемонстрировав тем или иным способом то, что обозначает слово (назовем это объяснение “денотативным”). Подобному объяснению поддаются не только предметные (идентифицирующие) слова, но и слова с признаковым (предикатным) значением (*желтый, горячий, идти, лететь, свет* и т.д.). Значение слова *боль*, говорит Витгенштейн, можно объяснить тому, кто его не понимает, укол его булавкой и сказав: “Вот это и есть боль” [Wittgenstein 1953, 287].

Денотативное объяснение в простейшем случае достигается остенсивным, демонстративным путем. Указание на денотат (в широком смысле) может, однако, осуществляться и посредством слов (точнее, предложений). Вместо того чтобы колоть человека булавкой, мы можем обратиться к его прошлому опыту, сказав: боль — это то, что чувствует человек, когда, например, его уколют булавкой. Такого типа денотативные определения широко представлены в работах А. Вежбицкой: *красный* — ‘цвета крови’, *белый* — ‘цвета молока’, *слышать* — ‘воспринимать ухом’, *человек* — ‘существо такое, как ты и я’, *Х испытывает грусть* — ‘Х чувствует то, что чувствует человек, когда он думает, что то, чего он желал, не произошло и не произойдет’ [Wierzbicka 1972; 1980]. Слова в таких определениях не отражают какие-либо компоненты толкуемого значения, но служат лишь средством фиксации денотата. Указание на кровь — всего лишь один из множества способов представления денотата слова *красный*, в то же время его значение вполне может понимать и тот, кто никогда не видел кровь и не знает, какого она цвета.

Значение слова можно объяснить, указав на его связи с другими словами в системе языка⁵ (назовем такое объяснение “сигнификативным”). Сигнификативное объяснение сводится к подбору выражений с полностью или частично эквивалентным значением (перифраз). Ср. замечание Куайна: “То, что обычно называется толкованием значения высказывания, есть просто произнесение синонима, формулируемого более ясным языком, чем оригинал” [Quine 1952b, 199]. Значения слов, составляющих перифразу, в той или иной степени соответствуют компонентам значения толкуемого слова. Именно этот способ является “основным орудием описания смысла” в современных семантических исследованиях [Падучева 1974, 10; Вейнрейх 1970, 225; Жолковский, Мельчук 1969, 7; Мельчук 1974, 10–11; Шаумян 1974, 8; Апресян 1974; Wierzbicka 1972, 1980; и др.] — и в данной работе (прежде всего, в силу специфики исследуемых слов). Предметом исследования в этом случае является то, что Соссюр назвал “значимостью” [1977, 146]. Значение и значимость — это одно и то же, но взятое в разных аспектах, в разных отношениях: первое — в отношении к внеязыковому ряду, к ряду явлений действительности, второе — в отношении к внутриязыковому ряду. Значение отдельно взятого слова можно определить денотативным способом, но не может быть, по определению, определена значимость изолированного слова. Значение как значимость может быть объяснено только в рамках описания семантической системы слов. В конечном итоге значение знака создается его отношениями со всеми другими знаками [Соссюр 1977; Балли 1955, 145] и объяснить значение слова (в его внутриязыковом аспекте) — значит включить его в систему, = выявить его роль и место в системе языка.

В рамках внутриязыкового объяснения множественность объяснений-описаний значения слова является таким же закономерным и неизбежным явлением, как множественность мотиваций в словообразовательной системе [Гинзбург 1979, 154]; собственно, последняя является всего лишь частным случаем первой. Это значит, что для каждого значения имеется неограниченное множество толкований-перифраз и все они одинаково “правильны” — в той степени, в которой их значение эквивалентно значению толкуемого выражения (ср. разнообразные толкования значения одного и того же слова в разных словарях). Никакое толкование само по себе с теоретической точки зрения не является привилегированным; более того, в конечном итоге только все вместе дают они полное объяснение значения. Ср. определение значения у Куайна: “... Если мы принимаем как данное отношение синонимии, то понятие значения легко вывести следующим образом: значение выражения есть класс всех выражений, синонимичных с данным” [Quine 1952a, 85]. Поэтому чем больше толкований-перифраз мы приведем, тем лучше объясним смысл — “инвариант всех синонимических преобразований” [Мельчук 1974, 10]⁶.

⁵ “Объяснить — значит свести к элементам уже известным, а в лингвистике *объяснить слово* — значит свести его к другим словам...” [Соссюр 1977, 224].

⁶ Ср. обычную практику толковых словарей, где, несмотря на дефицит места, приводится, как правило, несколько синонимичных вариантов толкований, напр.: *подавленный* — “приглушенный, едва слышный, едва различимый” [Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР. Ин-т рус. яз. 1981–1984] (далее — САН).

Последовательному проведению в жизнь принципа множественности объяснений препятствуют важные практические требования простоты, экономности, эксплицитности и унифицированности описания значений. Конкретный характер описания, очевидно, должен соответствовать той практической задаче, для которой оно выполняется. В частности, в описании, предназначенном для обеспечения автоматической обработки языковых данных, будут доминировать требования максимальной эксплицитности и унифицированности, стандартности толкований [ср. Мельчук 1974, 11]. Что касается нашей работы, то в ней мы идем на своего рода компромисс: используя (но в меру) разнообразные эквивалентные толкования, мы стремимся в то же время унифицировать их так, чтобы хотя бы одно толкование в объяснении каждого слова из какого-то ряда соотносительных слов соответствовало общему для всех них синтаксическому образцу и включало компоненты, относящиеся к некоторому стандартному набору.

Подчеркнем, что при таком подходе нет и не может быть “неопределяемых” слов (значений). Любое слово, даже с самым элементарным значением (как, например, *быть*, *иметь* и т.д.), входит в систему языка, занимая в ней определенное место и выполняя определенную роль; соответственно, указав это место и эту роль, мы тем самым дадим “определение” этого слова.

При этом в целостном описании возникнут “логические круги” в определениях, что часто рассматривается как его принципиальный дефект [Апресян 1966, 260; 1974, 95]. Логический круг в описании, однако, не только неизбежен⁷ (как недостаток, с которым нужно примириться), но и *н е о б х о д и м* (как достоинство, которое придает описанию законченность и совершенство)⁸. Это с логической ясностью вытекает из того факта, что описывается *с и с т е м а*, т.е. совокупность взаимосвязанных и взаимообусловленных элементов. Мы не закончим описания (и объяснения), пока не “замкнем” круг; пока нет “круга”, наша задача не выполнена, система не описана, элементы не связаны, не “увязаны” друг с другом. Как бы подробно мы ни описывали внешний вид и расположение уха, толкование останется принципиально неполным, пока мы не укажем, что это орган, которым *с л ы ш а т*. Но, с другой стороны, и определение *с л ы ш а т ь* не будет законченным, пока не отмечено, что слышат — *у х о м*. Наше понятие о петухе будет неполным, если мы не знаем, что он — “самец курицы” [САН], но и описание курицы, даже по чисто практическим соображениям (выведение цыплят), не будет достаточным без указания на то, что она — “самка петуха” [САН]. Другое дело, что нам нужно избегать “короткого замыкания”, когда “круг” замыкается на коротке, не охватив все входящие в систему элементы (или хотя бы их значительную часть).

Отметим, что денотативный и сигнификативный аспекты анализа в конечном итоге взаимосвязаны, поскольку это именно *а с п е к т ы* анализа

⁷ Ср. [Уемов 1963, 52].

⁸ “... На каких-то “последних” этапах семантического анализа, когда сведение к более простому уже невозможно, могут оказаться полезными и ненаправленные синонимические соотношения” [Падучева 1974, 11].

одного и того же — значения слова, являющегося одновременно и “зеркалом” внеязыковой действительности, и “зеркалом” языковой системы (конечно, для разных типов слов в разной степени, ср. [Арутюнова 1976; 1980а]). Исследуя денотативную отнесенность слова, мы тем самым (имплицитно) очерчиваем его место в кругу других слов и косвенно характеризуем его смысл; и наоборот, исследование семантических отношений между словами помогает лучше понять их соотношение с действительностью (совершенно аналогично тому, как знание значения производящего слова и его системного соотношения с производным позволяет понять, хотя бы приблизительно, денотативную отнесенность последнего).

Языком описания-объяснения значений в данной работе является естественный (русский) язык. Это, разумеется, при достаточном углублении (и расширении) толкований приведет к “кругу” в определениях. Но, как было отмечено выше, это не то, чего нужно избегать, но то, к чему нужно стремиться. Этот поистине магический круг обеспечивает то, что описание как бы висит в воздухе, опираясь само на себя. Использование одного и того же языка и как объекта, и как средства описания усиливает объясняющую силу последнего. Тем более что объектом особого внимания являются в работе слова, составляющие основу любого описания — *существует, имеет место, тождествен, эквивалентен, истинно, возможно, необходимо, знать, думать, полагать, предполагать* и т.п. Поэтому чем более мы проясняем значение слов, составляющих объект описания, тем более понятным и ясным делается само это описание (и в этом отношении оно движется не по кругу, но по спирали). Соответственно сам текст описания является также его материалом (разумеется, наряду с другими текстами), а описанные закономерности значения и употребления слов и конструкций в полной мере относятся к употреблению этих слов и конструкций в самом описании. (Полная аналогия: написание слов, посредством которых формулируются правила орфографии, само подчиняется этим правилам. И вряд ли это можно расценить как недостаток орфографического описания).

Важной особенностью языка описания значений в данной работе является его *э к с т е н с и о н а л ь н ы й* характер⁹ (в отличие, например, от языка толкований в работах А.Вежбицкой). Толкование значения слова является “экстенциональным контекстом” в том смысле, что слова, которыми описывается языковая компетенция носителя языка, принадлежат исследователю как автору описания, но не тому, чья компетенция описывается. Это не значит, конечно, что носитель языка не может описать свое знание этими же словами, таким же образом. Но это совсем не обязательно и не предполагается. Это значит, попросту говоря, что мы описываем значение слов своими словами, которых средний носитель языка может и не знать. Соответственно не выдвигается требование, чтобы слова, составляющие толкование, были “известны всем, включая детей” и “необразованных крестьян”, и не относились “к научному или элитарному жаргону какого бы то ни было рода” [Вежбицкая 1983,

⁹ Об экстенциональных и интенциональных контекстах см. [Карнап 1959,89; Quine 1952; Падучева 1983].

237]. Дело не только (и не столько) в том, что такое требование практически трудно осуществимо. Главное то, что интенциональный подход к описанию содержит в неявном виде слишком сильную гипотезу о природе смысла, а именно: что смысл “скомбинирован” в уме человека (и, отвлекаясь от психологии, в системе языка) из компонентов, подобных значениям слов, образующих толкование, и таким же образом, как соединены слова в толковании. Это очевидно не так для денотативных определений (напр., *запах* — ‘ощущение, специфическое для носа’ [Вежицкая 1983, 249]) и под большим вопросом для сигнификативных толкований значения. Приняв экстенциональный подход, мы избегаем всех этих допущений. Таким образом, толкуя, например, *видеть X* как ‘иметь зрительный образ X-а’, мы вовсе не предполагаем, что значение слова *видеть* “записано” в уме в виде соединения компонентов ‘иметь’, ‘зрительный’, ‘образ’. Этими словами мы обозначаем нечто, составляющее значение слова, не отождествляя при этом то, что обозначает (слово в толковании вместе с его значением), с тем, что обозначается (“компонент” смысла).

4. Континуальность и дискретность в семантике и характер описания

Необходимость экстенционального подхода к описанию значения определяется, помимо прочего, и тем обстоятельством, что значение и его описание принципиально неконгруэнтны в отношении степени континуальности, диффузности / четкости, дискретности.

То, что естественному языку недостает точности, четкости и строгости, отмечалось еще Ф. Бэконом [1938, 35, 46–47] и Т. Гоббсом [1936, 55] и с тех пор подчеркивалось неоднократно [Локк 1985, т.1, 535 и далее; Лейбниц 1983, 340 и далее; Рассел 1957, 116, 293; Russell 1956, 338–340; Тондл 1975, 328 и далее]. При этом нестрогость, неопределенность значений слов естественного языка расценивалась как его недостаток, устранение которого было основным мотивом разработки проектов его “усовершенствования” и создания “идеального” искусственного языка. Заслугой Л. Витгенштейна [Wittgenstein 1953] было то, что он показал, что, во-первых, этот “идеал” недостижим, а во-вторых, что он, собственно говоря, вовсе не является идеалом, т. е. тем, к чему нужно стремиться. Он недостижим, поскольку в самой действительности, которую призван описывать язык, нет резких границ (ср. “принцип непрерывности” Лейбница [1970]). Любая точность поэтому является относительной и приблизительной, и ее мера зависит от практической задачи. Точность не является идеалом, ибо в соответствии с задачами, стоящими перед языком, именно неточность часто есть как раз то, что нам нужно [Wittgenstein 1953, 71, 77, 88]. Если оригинал является нечетким, то и картина, точно описывающая его, должна быть нечеткой.

Разумеется, неопределенность, размытость значений не стоит преувеличивать. В этой нечеткости есть своя четкость. Значение слова представляет собой своего рода компромисс, равнодействующую двух противоборствующих

щих сил: унифицирующей, стандартизирующей, дискретизирующей, схематизирующей деятельности человеческого ума и деформирующего, расшатывающего эту схему употребленья. Человеческая мысль создает строгие, совершенные смыслы, но поток жизни их размывает! И в конечном итоге именно это взаимодействие делает слово пригодным к употреблению. Если бы слово имело слишком строгое значение, то в мире, где ни одно событие не повторяется (в полном смысле этого слова) [Рассел 1957, 117], оно могло бы быть употреблено только один раз. С другой стороны, если бы значение слова вообще было лишено какой-либо четкости (= каких-то границ), оно не могло бы быть употреблено ни разу.

Итак, языковая семантика в меру диффузна и в меру дискретна. Научное описание языка, будучи “описанием описания”, описанием второго порядка (описание первого порядка — это, разумеется, рубрики и значения самого естественного языка), в колоссальной степени преувеличивает его дискретность. Впрочем, это неизбежный “порок” любого научного описания, равно как и его достоинство. Ибо задача науки — найти общее, свести бесконечно разнообразный и бесконечно изменчивый мир явлений к конечному числу простых принципов и закономерностей. Но это значит упростить, огрубить, схематизировать действительность. Научное описание, по самой своей природе, не может быть таким же “непрерывным” и бесконечно разнообразным, как его предмет; оно не должно даже и стремиться к этому, так как в этом случае оно потеряет свою специфику и превратится в произведение искусства. Ибо, пожалуй, главное отличие искусства как способа отражения от науки в том, что искусство стремится подражать жизни в ее конкретности, глубине и бесконечности. И те мыслители, которые пытались в максимальной степени приблизиться к жизни, отразить всю ее диалектику, в значительной мере вступали в своих произведениях в область искусства, с его многозначностью и неопределенностью. (Таковы, например, Ницше и Витгенштейн).

Но мы хотим остаться в пределах науки. Поэтому мы будем схематизировать и упрощать языковую реальность, сохраняя, однако, при этом постоянное понимание того, что это — упрощение и схематизация. Мы будем сознательно рисовать, говоря словами Витгенштейна, четкую картину, соответствующую расплывчатой [1994б, 77], помня при этом, что на тех же правах могут существовать и другие описания того же оригинала¹⁰, что наше описание (как и любое другое) до некоторой степени условно и произвольно [ср. Шмелев 1973, 274; 1977, 298]. В то же время мы будем стремиться отразить, насколько это возможно, дискретными, упрощенными средствами нашего описания континуальность семантической области, диффузность составляющих ее значений. Проводя резкие границы и намечая жесткие деления, мы будем одновременно стараться “снять” эту жесткость, показать “широту” клубящихся облаков-значений, непрерывность переходов от одного семантического “сгущения” в этих облаках к другому. Поэтому мы будем особое внимание

¹⁰ “... Можно начертить несколько ... прямоугольников с четкими контурами, которые соответствовали бы одному нечеткому” [Витгенштейн 1994б, 77; ср. также 1994а, 6.341].

обращать на “переходные” случаи (которые, конечно, являются переходными только в рамках выбранной системы описания; в другой системе они могли бы образовать самостоятельные рубрики), на случаи варьирования “основного” (с теми же оговорками) значения под влиянием коммуникативной задачи, ситуации и контекста. Мы будем стараться вообще обходиться минимально необходимыми для описания языкового материала средствами формальной и терминологической дискретизации и будем стремиться не проводить резких границ там, где без них можно обойтись, просто потому, что таких границ не существует в реальности. “... Нигде: ни на небе, ни на земле, ни в духовном мире, ни в мире природы — нет того абстрактного “или-или”, которое утверждается рассудком” [Гегель 1974, 279]. Это касается, в частности, разграничения языкового, инвариантного и речевого, ситуативного, контекстуально и прагматически обусловленного в семантике слова. Слово и его значение в языке — это абстракция, то, что реально и в полном смысле этого слова существует — это бесконечная, неограниченная серия употреблений, “примеров”, “экземпляров” [Льюис 1983, 211] слова. И те компоненты смысла, которые “наводятся”, имплицитно дискурсом хотя бы в одном употреблении слова, начинают в какой-то минимальной, совершенно незаметной степени (как слабый, затихающий след в памяти) ассоциироваться с этим словом в других его употреблениях. И чем чаще повторяется эта импликация, тем в большей степени она ассоциируется со словом и тем в большей степени она является частью значения слова. И так постепенно она может сделаться “конвенциональной импликацией” [Грайс 1985, 236] и далее — сформировать “отдельное” значение слова. Но и в этом случае это значение будет в какой-то степени мотивироваться, “наводиться” контекстом. Совершенно “независимое” от контекста и ситуации значение и чисто контекстуальная импликация — это всего лишь идеализированные полюса, между которыми — “переходные случаи”. В каком-то смысле реально существуют только переходные случаи, и даже тогда, когда мы подовдим случай под ту или иную жесткую рубрику, фактически имеет место лишь “перевес” в ту или иную сторону. Это совершенно аналогично вопросу о производном слове: производится ли оно в тексте или воспроизводится как готовая единица? Предполагаемое вопросом “или-или” представляет собой лишь “полюса”, чрезвычайно редкие в практике употребления, в подавляющем большинстве реальных случаев имеет место “и-и”. Слово, впервые употребленное, придуманное автором, производится в контексте; слова, абсолютно потерявшие “внутреннюю форму”, полностью деэтимологизированные, воспроизводятся по памяти; слова более или менее узуальные воспроизводятся, извлекаются из памяти (= из системы языка) с готовой формально-семантической структурой, но одновременно и производятся (по определенной модели) каждый раз заново в новом контексте, мотивируются этим контекстом [ср. Гинзбург 1979, 8; Кубрякова 1981, 33, 36]. Оба этих процесса “скрещиваются” в производном слове, придавая ему особенную силу и устойчивость. Контекстная мотивация поддерживает память, память поддерживает контекстную мотивацию.

Словообразовательная производность — всего лишь частный случай семантической производности. Если только часть слов является производной